

Он сидел на самом высоком месте в кузнице, покуривал трубку и в промежутках между затяжками продолжал рассказ. Пламя в горне угасло, день медленно клонился к закату. Через открытые двери и узкие окна внутрь проникали удлиняющиеся тени. Остальные расселись на бочонках у верстака, также покуривали трубки и внимали.

— В роли делового партнера я хочу видеть человека правдивого. Но если речь идет о друге, то я предпочту человека с богатой фантазией. Как по мне, именно воображение скрашивает нашу жизнь. Нет на свете ничего менее интересного, чем голый факт: факты — это конец всему. Когда жизнь превращается в сборище сухих фактов, то и жить становится уже незачем. И, тем не менее, вскоре, боюсь, человечество окончательно теряет способность воображать, ибо наше образование методически ее искореняет. Вот посмотрите на детей. В моем детстве бугимен был для меня так же реален, как и мой отец, и я его боялся ничуть не меньше. А не далее как вчера племянница прочла мне целую лекцию, когда я всего лишь упомянул бугимена. То же самое с призраками:

нас учили верить в их существование так же, как мы верим в существование Адама и Ноя. Нынче же в них никто не верит. Это считается ненаучным подходом, суеверием, а над суеверными людьми все смеются и считают их невеждами.

Да, призраки — продукт нашего воображения, но если мне померещится призрак, то для меня он реален, как если бы существовал на самом деле, не так ли? Следовательно, для меня лично он существует. Все логично. Молодое поколение увлеклось наукой и верит только в то, что может увидеть и потрогать, игнорируя воображение. К слову, раз уж об этом зашла речь, я должен признать, что в наше время духи действительно больше не завывают на кладбищах и не бродят у наших домов. Я признаю это потому, что именно так обстояли дела в Хармони, когда я там жил, и потому, что так говорил Роберт Дж. Динкл спустя года два после своей смерти, и из-за того, что произошло между мной, им и преподобным мистером Шпигельнейлом.

Хармони — город рационалистов. Пожалуй, единственным его жителем с толикой воображе-

ния и интересными идеями был, если не считать меня, Роберт Дж. Динкл. Увы, он пользовался отвратительной репутацией, а после его смерти все рассуждали — не публично, конечно, — как хорошо, что мы избежали от последних остатков невежества и суеверия. Понимаете, Роберту всегда мерещились всякие существа, но мы приписывали это его привычке пить крепкий сидр и прирожденной любви к шуткам. Когда его не стало, некому больше было рассказывать нам о происходящем в мире духов. Собственно говоря, «светоч разума», как назвал это преподобный Шпигельнейл, засиял так ярко, что кладбище стало популярным местом для прогулок под лунным светом! Даже мне не раз случалось пересекать его по пути от мисс Уидл, с которой я часто виделся, — и притом мне ни разу не пришлось в голову идти побыстрее или оглядываться назад, поскольку тогда я не верил в такие глупости.

Но даже у самых рациональных людей возникают сомнения, когда они сталкиваются с чем-то непонятным. Такое случилось и со мной: когда ветер между деревьями завывал громче обычного, а бредущие по небу облака обретали жутковатые формы, моя фантазия взяла верх над рациональным умом. Я ускорил шаг, начал оглядываться и вздрагивать. Разумеется, ничего такого на кладбище я не встретил и мысленно над собой посмеялся, но, тем не менее, чувство тревоги не уходило. На окраине города было очень тихо. Не горело ни огонька, площадь была еще безлюдней, чем кладбище, а магазин выглядел таким заброшенным, таким потусторонним в лунном свете, что я невольно оглядывался на него снова и снова.

Вдруг от пустого дома, с пустой скамейки — клянусь, совершенно пустой, я явственно это видел, ибо ночь выдалась ясной! — совершенно из ниоткуда донесся приятный голос.

— Привет! — сказал он.

Кровь застыла у меня в жилах, по всему телу побежали мурашки. Я не мог пошевелиться.

Голос раздался снова — такой естественный и живой, такой знакомый, что я протер глаза и снова посмотрел на то же место.

Там, на скамейке, на своем излюбленном месте сидел пожилой Роберт Дж. Динкл, блестя под лучами луны. Сквозь его прозрачное тело можно было разглядеть входную дверь.

— Я должен быть отчетливо видим, — заметил он тоном, не лишенным гордости. — Разве ты не можешь разглядеть меня?

Разглядеть его!.. Мягко сказано: я мог разоб-брать даже складки на его пальто. Он казался еще естественней, чем при жизни, и выглядел чрезвычайно жизнерадостным. Это заставило меня задуматься. Передо мной, рассуждал я, призрак Роберта Дж. Динкла. Живым он не причинил мне ни малейшего вреда, а в его нынешнем обличье это еще менее вероятно; если он и задумал что-то недоброе, мне нечего бояться кусочка тумана. В таком случае я спокойно могу с ним побеседовать.

Но Роберт, похоже, устал ждать и заговорил чуть беспокойнее и громче:

— Ну как, разве мое появление не впечатлило? — пожаловался он.

— Я никогда не видел тебя в такой прекрасной форме.

Голос наконец вернулся ко мне, а мурашки почти исчезли. Я успокоился и даже осмелился подойти ближе.

На его бледном лице засияла широкая улыбка.

— Какое облегчение, наконец-то меня видят! — радостно вскричал он. — Я уже много лет пытаюсь являться людям, но никто меня не замечает. Я уж думал, что сделан из слишком прозрачного и расплывчатого материала, но, похоже, дело не в этом.

Он издал столь живой вздох облегчения, что я совсем позабыл, что он призрак. В общем-то, было очевидно, что смерть пошла ему на пользу: он стал спокойнее, харизматичнее и перестал подшучивать над всеми.

— Садись, поговорим, — он одарил меня своей самой обаятельной улыбкой. — Не стесняйся, ведь я не могу причинить никакого вреда. Но, пожалуйста, бойся хоть немножко: тогда я обрету более отчетливую форму. Прямо сейчас я, кажется, начинаю тускнеть.

— Действительно, — ответил я.

Хоть я и стоял совсем рядом, но с трудом мог его различить.

Вдруг безо всякого предупреждения он издал жуткий стон, от которого мурашки вернулись. Я подпрыгнул на месте и впился в него взглядом. Прямо на моих глазах он становился все более отчетливым и материальным.

— Так-то лучше, — весело хихикнул он. — Теперь ты в меня веришь, не так ли? Давай садись, нервничай и не слишком успокаивайся. А не то я исчезну.

Продолжение следует.